

*А. В. Календа**

АСИМПТОТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ИСТИНЫ**

Предлагается сравнительный анализ эпистемологических разделов философской деятельности скептиков-академиков. Статья посвящена рассмотрению тех пределов, до которых распространяются познавательные способности в критике Аркесилаем стоического «постигающего представления» и учении Карнеада о «вероятном, которое есть одновременно нерассеянное и разработанное», представленных у Цицерона, Секста Эмпирика и Диогена Лаэртского. Постараемся увидеть, почему при поиске «истинного» в предмете исследования состояние нашего суждения может продолжать находиться в бесконечном приобретении статуса истинности, не оставляя другого выхода, кроме воздержания от суждения (ἐποχή).

Ключевые слова: скептицизм, Средняя Академия, Новая Академия, критерий истины.

A. V. Kalenda

ASYMPTOTIC PROPERTIES OF TRUTH

A comparative analysis of the epistemological sections of the philosophical activity of skeptical academics is proposed. The article is devoted to the consideration of the limits to which cognitive abilities extend in Arkesilaus' criticism of the stoic "comprehending representation" and the doctrine of Carneades about "the probable, which is both unsettled and developed", presented by Cicero, Sextus Empiricus and Diogenes Laertius. Let's try to see

* Календа Алексей Владиславович — аспирант; kalenda_al@mail.ru, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Российская Федерация, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Aleksey V. Kalenda — PhD in History and Philosophy; kalenda_al@mail.ru; Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236041, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/23-18-00971>; Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

why, when searching for the “true” in the subject of research, the state of our judgment can continue to be in an endless acquisition of the status of truth, leaving no other choice but to suspend judgment (ἐποχή).

Keywords: Skepticism, Middle Academy, New Academy, criterion of truth.

Введение

Сохраниться в исходном виде учение Платона не смогло даже после перехода Академии в руки первых ее правителей [1, с. 238]. Однако, как известно из небольшого числа дошедших до нас свидетельств по академическому скептицизму, доктринальным девиантом, начинателем скептической фазы в школе Платона и схолярхом Средней Академии был Аркесилай из Питаны [2, с. 175], занявший после Кратета пост главы Академии около 265 г. до н. э. Заметным сюжетом в ходе развития эллинистической философии стал спор между стоиками и академическими скептиками, развернувшийся, в частности, вокруг тем структуры познания и возможности достижения непоколебимого знания. Аркесилай проблематизировал гносеологические вопросы в полемическом стоико-скептическом дискурсе, выступив с критикой против познавательного эталона стоиков [3, с. 91], в результате чего удалось локализовать проблемную область на критерии истины, который в дальнейшем разработал Карнеад в своем учении.

Сосредоточившись на проблеме критерия истины, рассмотрим, до каких пределов доходит философский поиск истинного относительно предметов познания в гносеологических теориях Аркесилая и Карнеада.

Аркесилай

Философские взгляды Аркесилая плохо засвидетельствованы у Диогена Лэртского, от него мы узнаем лишь о том, что он первым (в Академии) стал воздерживаться от суждения и отклонился от учения Платона [2, с. 175], Нумений так же сообщает о том, что вплоть до Полемона (а точнее Кратета) ἐποχή еще не появилось в академическом дискурсе [1, с. 238].

Цицерон нам сообщает о мотиве, побудившем Аркесилая вступить в полемическое состязание со стоиками. Его мотивировало то же, что влекло Сократа в беседе подступаться к сущности рассматриваемого предмета, — желание обратить внимание на недостижимость конечного знания, частично сформулированное в максиме Сократа, только Аркесилай придавал ей тотальный характер [5, с. 79]. Примечательно, что подобное отношение к столь важному для мыслителя предмету не возникло на пустом месте, но наоборот, из постоянного самоконтроля и сохранения тонуса внимания на предмете, чтобы не оказаться в заблуждении [5, с. 139], и если смотреть на позицию Аркесилая под таким углом, то сказанное о поддержании мудрецом безошибочности и избегании поспешных решений будет подтверждать описание позиции Аркесилая, приводимой в сравнении с древними мыслителями у Цицерона:

«ничего нельзя ни познать, ни воспринять, ни знать, ибо чувства слабы, ум бессилён, жизнь коротка и, как говорил Демокрит, “истина сокрыта в бездне”, что все держится на предположениях и традиции, и не остается нигде места истине, и наконец, что все сокрыто во мраке» [5, с. 79].

О столкновении двух противоположных взглядов на достижимость окончательного знания можно говорить как о проблеме, а попытка ее разрешения в данном случае реализовалась в форме полемики. Стоики были на стороне возможности знания и его достижения через критерий истины, Аркесилай же на стороне невозможности знания. Если при объяснении чего-либо можно опираться на исходные положения, то как можно кого-то в чем-то разубедить, если сам не имеешь никаких убеждений? Учитывая, что для Аркесилая руководящим принципом в рассуждении было воздержание от суждений [4, с. 256], он не мог себе позволить высказываться определенно, и единственное, что ему подходило, — это указывать на несостоятельность познавательной системы стоиков, и в таком положении для Аркесилая недопустимо было оставить стоикам хотя бы одно, способное служить критерием истины.

Рассмотрим критику Аркесилая, направленную против понятий катаlepsis и катаleptического впечатления стоиков. В разделе «Против ученых» Секста Эмпирика изложены гносеологические аргументы.

I. «Сторонники Аркесилая — одни при первом приближении не наметили никакого критерия, те же, кто, по-видимому, определил критерий, сделали это в порядке противопоставления своего учения стоикам. А именно, последние утверждали, что существует три [начала], объединенные одно с другим: наука, мнение и расположенное на границе между ними постижение. Из них наука — это непогрешимое, устойчивое, непреложное постижение при помощи разума; мнение — это бессильное и ложное одобрение; постижение же — посреди этого, будучи одобрением со стороны постигающего представления (καταληπτικὴ φαντασία).

Согласно стоикам, постигающим представлением является истинное и такое, которое не могло бы стать ложным. Они говорят, что наука в основном существует только у одних мудрых, мнение — только у глупых, постижение же общее у тех и других, причем последнее является критерием истины.

Если, как известно, это утверждают стоики, то против них и восстает Аркесилай, доказывающий, что постижение несколько не является критерием, находящимся посередине между наукой и мнением. Ведь то, что они называют постижением и согласным соответствием постигающему представлению, возникает, [говорит он], или в мудром, или в глупом. Но если оно возникает в мудром, то оно есть наука, а если в глупом, то — мнение. Общего при этом между ними нет ничего, кроме названия» [3, с. 91].

Перед нами схема из пяти элементов: явление — катаleptическое впечатление (от присутствующего) [5, с. 147] — согласие — постижение — знание. Первый и последний из них индифферентны по отношению к процессу выявления истинностных свойств элемента: первый по причине того, что рассматривается явление, изолированное от восприятия, последний по причине того, что предстает

репрезентацией выявленных истинностных свойств явления. Остальные элементы зависят от реципиента и подлежат дальнейшему рассмотрению.

Аркесилай нападает на постижение (κατάληψις), которое является ключевым элементом гносеологической схемы, стоящим посередине между знанием (ἐπιστήμη) и мнением (δόξα). В сжатой форме аргумент I Аркесилая звучит так: явление произвело впечатление в мудром и неразумном, но, воспользовавшись критерием истины, первый получил знание, второй — мнение. Здесь мы видим, что Аркесилай следует своему принципу и старается не дать себя обмануть, тщательно зондирует формальную сторону стоической схемы, сместив внимание на субъективную сторону вопроса.

II. «Если только постижение есть одобрение со стороны постигающего представления, то оно [говорит Аркесилай] в действительности не существует. Во-первых, потому, что одобрение возникает не по отношению к представлению, но по отношению к смыслу (λόγος) (ведь одобрения относятся к постулатам), во-вторых же, потому, что нельзя найти никакого такого представления, которое не могло бы стать ложным, как показывает множество разнообразных примеров. Но раз не существует постигающего представления, не может возникнуть и постижения: ведь одобрение существовало благодаря постигающему представлению» [3, с. 91–92].

Здесь уместно будет привести стоическое определение постигающего представления:

«Постигающим же представлением является то, которое вылепливается и запечатлевается с формы реально существующего и в соответствии с реально существующим, каковое представление не могло бы возникнуть со стороны несуществующего реально» [3, с. 111].

Из определения следует, что и мудрецу и неразумному от явления достается уже «подготовленное» впечатление, существующее здесь и сейчас, совпадающее по своим признакам с этим явлением и гарантирующее свою подлинность тем, что оно не могло бы возникнуть от своей инверсии. Последнее уточнение наводит на то, что попадающие в зону восприятия признаки от реально существующего явления не имеют ничего общего с признаками акаталептического, что нейтрализует примесь субъективизма.

Аркесилай, позиционно смещаясь с формальной на предметную сторону, указывает на ошибочность направленности стоического согласия, по его словам, согласие в действительности дается не на ментальную копию явления (насколько она может быть близка к оригиналу), а на смысл сформированного о нем утверждения. Другими словами, каталепсис не может служить критерием истины, поскольку согласие выражается нашему пониманию, описанию явления, а не его сущности, которая должна транслироваться нам от явления через впечатление, в результате чего мы можем говорить не об истинности впечатления внутри нас, а о точности передачи смысла (истинности) высказывания, описывающего явление.

Следом Аркесилай ставит под сомнение истинность самого каталептического впечатления, материала, над которым в дальнейшем судящая инстанция производит операции установления истинности. В этом тезисе прослеживается связь с предыдущим, ее можно коротко выразить так: невозможно устанавливать статус истинности акта познания, поскольку в суждении не достигается самого явления, что не дает нам той гарантии «чистоты» проекции явления в область восприятия, которую предлагают стоики.

Этими тезисами, вероятно, демонстрируется несовершенство познавательных способностей, претендующих на получение доступа к реальности, за чем неуклонно следует вывод в третьем аргументе.

III. «Если же нет постижения, то не будет и ничего постигающего. Если же ничто не постигаемо, то и для стоиков последовательно будет воздержание мудрого. Рассмотрим так. Поскольку ничто не постигаемо (ввиду несуществования стоического критерия), если мудрый выскажет одобрение, то этот мудрый будет пользоваться мнением. Так как нет ничего постигаемого, то, если кто одобряет что-нибудь, он будет одобрять непостижимое. А одобрение непостижимого есть мнение. Поэтому если мудрый относится к одобряющим, то мудрый окажется отнесенным к тем, кто живет мнением. Но мудрый во всяком случае не относится к тем, кто живет мнениями (это, по их учению, принадлежит к неразумию, и это — причина ошибок). Значит, мудрый не относится к одобряющим. А если это так, то ему в отношении всего надо избегать высказывать одобрение. Но не высказывать одобрения — это есть не что иное, как воздержание [от суждений]. Значит, мудрый должен в отношении всего воздерживаться [от всяких суждений]» [3, с. 92].

Завершил критику стоической системы познания Аркесилай с указанием на неизбежность воздержания от суждения (*ἐποχή*), неприемлемого, но возможного для стоического мудреца, однако это не приводит к интеллектуальному замиранию, воздержание характеризуется непрерывным сканированием входящих в зону восприятия впечатлений, поскольку Аркесилаю нельзя было императивно экстраполировать этот принцип ввиду неисчерпаемости возможных впечатлений [3, с. 91]. Кроме того, после устранения промежуточного звена между знанием и мнением, т. е. чтобы принцип *ἐποχή* не произвел апраксии, Аркесилай ввел практический критерий разумного (*εὐλόγων*), в основе которого лежит рассудительность [3, с. 92]. Причина применения такого подхода может быть заключена в его динамической характеристике, дающей наиболее успешный результат практической деятельности при приложении большей силы рассудительности, проявленной, повторимся, из соображений постоянного самоконтроля и сохранения безошибочности.

Карнеад

Следом за Аркесилаем большой фигурой академического скептицизма предстает Карнеад, схолярх Новой академии, в руки которого перешли как теоретические разработки Аркесилая [1, с. 246], так и соперническая сторона полемики [1, с. 247]. В отличительных чертах философской полемики Новой

академии со стоиками выделяются смещение предмета критики с катаlepsиса на катаlepsические впечатления и смягчение характеристик скепсиса. У Секста Эмпирика мы читаем о полном отрицании критерия, сигнализирующего об истинности в каких-либо предметах из области сущего, разума или чувств [3, с. 92–93]. На место глобального принципа воздержания от суждения Аркесилая Карнеад выдвинул «вероятное впечатление», за счет чего значительно продвинулся в вопросах практического действия. Рассмотрим это подробнее.

Придерживаясь двустороннего способа рассмотрения предметов, Карнеад начинает свои рассуждения, заявляя сперва о несуществовании критерия истины и следом, переходя ко второй стороне, допуская существование критерия, подобно Аркесилаю, исключает область чистого явления из процесса поиска критерия:

«Согласно же второму его рассуждению, он указывает, что если даже этот критерий и существует, то он пребывает не вне той аффекции (πάθος), которая исходит из очевидности» [3, с. 93].

Карнеад в чувственном восприятии отмечает признак подвижности как несомненного наличия впечатления. Признак подвижности восприятия как направленности позволяет доставить и представить аффекцию и производшее ее явление судящей инстанции, в результате после такого контакта с явлением удастся зафиксировать изменение, называемое впечатлением [3, с. 93]. Далее следует замечание о том, что «не существует никакого истинного представления, которое не могло бы стать ложным, но для каждого кажущегося истинным находится некое неотличное от них ложное» [3, с. 94]. Такая радикальная критика катаlepsического впечатления, как и Аркесилая, побуждала Карнеада представить аргументы против апраксии [3, с. 94], из-за чего последовали изменения в стиле академического дискурса и смягчение скептической позиции.

Удерживая в фокусе область восприятия, Секст Эмпирик продолжает последовательное изложение и различает «...вероятное представление и такое вероятное, которое есть одновременно нерассеянное и разработанное». К вероятному относится то представление, которое направлено на познающего и является в виде истинного [3, с. 94], но в случае если оно будет неясным, то не сможет считаться критерием истины. Цицерон так же указывает на регулирующий принцип вероятного впечатления:

«Так что, если случится что-то вероятное по виду, если не появится ничего, что противоречило бы этой вероятности, мудрец станет пользоваться этим и руководствоваться в организации всей жизни» [5, с. 167].

Нерассеянные представления характеризуются совокупностью свойств: 1) друг от друга зависящие; 2) все и каждый кажущиеся истинными; 3) неразрывно связаны между собой [3, с. 95]. Затронутый вопрос о характере контекстуальности совокупных представлений проиллюстрирован на примере

Сократа: мы идентифицируем его по цвету, величине, фигуре, образу мыслей и т. д. Гораздо более достоверным будет нерассеянное и разработанное представление, разработанное же оно в том смысле, что анализу подвержено состояние всего, что относится к суждению о нерассеянном представлении: судящая инстанция, судимое и инструмент суждения. Плюс ко всему, для достижения наилучшего качества рассуждения и соблюдения безошибочности важен учет временной составляющей [3, с. 98–99].

Заключение

Для Средней и Новой Академии разрешение проблемы критерия истины кроется в зоне восприятия познающего субъекта и принципиально неразрешима. Далекие от обыденного, но, напротив, детально разработанные схемы познавательных актов изложены в двух гносеологических траекториях асимптотического приближения к истине.

Глядя на разработки Аркесилая, кажется, что скептицизм не имеет своего голоса, но проявляется в аргументативной ликвидации очагов возникновения претензий на истинность. Аркесилай ограничил область поиска истины тезисом о неразличимости истинных впечатлений от ложных, проложив изоляцию между чистым явлением и областью восприятия. Но внутри области восприятия тоже нужны ориентиры для поиска, и Аркесилай открывает их отрицательно с указанием на путь рассудительности.

Карнеад также предлагает средства корректировки направления на пути приближения к истине в области восприятия, этими ориентирами стали вероятные (убедительные), совокупные и разработанные впечатления.

Асимптотическое приближение к истине у Аркесилая характеризуется наличием таких свойств познавательного процесса, как непрерывное наблюдением за состоянием формальной и содержательной частей рассуждения и рассудительность, которая служит «диагностической» процедурой, остерегающей от согласия и способная нейтрализовать тем больше препятствий на пути познания или действия, чем больше будет приложено усилий в рассудительности. У Карнеада в роли асимптотических свойств выступают контекстуальность и разработанность условий, в которых происходит анализ впечатлений, поскольку убедительное впечатление все-таки может оказаться ложным, для сокращения дистанции до истины следует рассмотреть впечатление в контексте с другими впечатлениями и оценить состояние всего, что относится к суждению об этих впечатлениях, и если времени для рассмотрения дела было достаточно, то такое впечатление будет наиболее убедительным для нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афонасин Е. В., Афонасина (Кузнецова) А. С.* Нумений из Апамеи Фрагменты и свидетельства / Schole, СХОЛЭ. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/numeniy-iz-apamei-fragmenty-i-svidetelstva> (дата обращения: 07.11.2024).
2. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.

3. *Секст Эмпирик*. Соч.: в двух томах. Т. 1. / вступит. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. М., «Мысль», 1976. 399 с.
4. *Секст Эмпирик*. Соч.: в двух томах. Т. 2. / общ. ред. А. Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. М., «Мысль», 1976. 421 с.
5. *Цицерон Марк Туллий*. Учение академиков // Пер. Н. А. Федорова; Коммент. и вступит. ст. М. М. Сокольской. М.: Индрик, 2004. 319 с.

REFERENCES

1. Afonasin, E. V., Afonasinina (Kuznetsova) A. S. *Numenii iz Apamei. Fragmenty i svidetel'stva* [Numenius of Apamea Fragments and evidence] / Schole, SKHOLE. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/numeniy-iz-apamei-fragmenty-i-svidetelstva> (accessed: 07.11.2024). (In Russian).
2. Diogen Laertskii. *O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov* [Life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 1986., 571 s. (In Russian).
3. *Sekst Empirik. Sochineniia v dvukh tomah. Tom 1.* [Sextus Empiricus. Essays in two volumes] / Moscow: Mysl' Publ., 1976. 399 s. (In Russian).
4. *Sekst Empirik. Sochineniia v dvukh tomah. Tom 2.* [Sextus Empiricus. Essays in two volumes] / Moscow: Mysl' Publ., 1976. 421 s. (In Russian).
5. *Tsitseron Mark Tullii. Uchenie akademikov* [Marcus Tullius Cicero. The doctrine of Academics] / Moscow: Indrik Publ., 2004. 319 s. (In Russian).